

зрения современного советского языкознания в этой языковой энергии необходимо выдвигать в первую очередь следующие моменты.

Язык — отражение действительности, которое может быть и правильным и неправильным. Но сама действительность безгранична и бесконечна. Может ли в таком случае мышление быть ограниченным и конечным, если оно отражает бесконечную действительность? Да, мышление есть отражение действительности, но именно поэтому валентность мысли, будучи функцией действительности, в принципе всегда бесконечна, и это легко заметить при наблюдении всех тех оттенков, которые приобретает данный языковой элемент в связной речи.

Второй вывод, без которого невозможна современная теория валентности, это полная невозможность ограничить ее только одними артикуляционными пределами. Понимаемая в том широком смысле, как мы это сейчас обрисовали, валентность вносит в язык некоторые элементы, которые прямо нужно назвать внеартикуляционными или, попросту говоря, непроизносимыми. Возьмем какой-нибудь индоевропейский корень слова, который в разных языках, да иной раз даже в одном и том же языке, выступает в виде самых разнообразных огласовок. Если мы сравним такие слова, как «бить», «бью», «бей», «бой», то всякий лингвист скажет, что здесь мы имеем дело только с одним и единственным корнем слова. Но в таком случае мы скажем: пожалуйста, произнесите этот один и единственный корень указанных слов. Его произнести нельзя. А тем не менее он реально существует, и те отдельные слова, которые мы сейчас назвали, отличаются одно от другого только разной огласовкой. Другой пример: все языки переполнены омонимами. Так, немецкое *leben* одинаково может пониматься и как существительное и как инфинитив глагола. Как же в таком случае быть? Ясно, что произносимость слова в грубо артикуляционном смысле вообще не является языковой необходимостью, она не является необходимостью и для языковой валентности.

В современном советском языкознании имеется достаточное количество общепризнанных теоретических положений, при помощи которых нетрудно объединить все своеобразие понятия валентности. В нашем языкознании твердо проводится учение Маркса о том, что язык есть непосредственная действительность мысли. Уже это одно не только облегчает понимание категории валентности, но и является достаточным основанием считать валентность прямой языковой необходимостью. Все, что есть в мысли, имеется и в языке; и потому все сложные и бесчисленные оттенки логической мысли вполне в непосредственном виде ощущаются и в языке. Но это вовсе не значит, что язык и мышление есть одно и то же. Язык есть непосредственная действительность мысли, а не просто сама мысль. Слогической точки зрения понятие ремесленника есть только указание на то, что данный человек занимается ремеслом, и больше ничего. Если же *ремесленник* является для нас не понятием, но словом, т. е. элементом нашей реальной человеческой речи, то ремесленник может оказаться не просто работником в области ремесла. В реальной человеческой речи он еще и ест, и пьет, и спит, и живет в каком-то доме, и имеет такой-то костюм и т. д. и т. д. Другими словами, слово «столяр», а не понятие столяра обладает, попросту говоря, бесконечной валентностью так как это не мысль, но непосредственная действительность мысли.

И наконец, как бы мысль и язык ни различались между собой, они, с нашей точки зрения, являются только разными сторонами одной и той же действительности. Надо только уметь объединить понятие жизни и самое жизнь. Однако это, пожалуй, уже далеко выходит за рамки учения о языковой валентности, и поэтому здесь наши размышления мы можем и закончить.